

УДК 821.161.1

*Е.В. Никольский, А.Н. Кравцов***ТОЧКИ СХОЖДЕНИЯ И РАЗБЕГА: «ЛИШНИЙ ЧЕЛОВЕК» В РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

На материале классического периода русской словесности рассмотрен типаж «лишнего человека». Для выявления общих точек схождения (сопряжения) и разбега (разобщения) в понимании «лишности» в литературе проанализированы произведения И. С. Тургенева («Дневник лишнего человека», «Рудин»), благодаря чему показана общелитературная ситуация, вызвавшая общественный интерес к «лишности» как явлению. Само же явление было связано с историческим развитием российского общества, в частности, восстанием декабристов 1825 г. В стремлении избежать терминологической неточности авторы новаторски рассматривают атрибутивные признаки «лишнего человека», показывают их неизменность, и актуальность для русской литературы классического периода развития, традиция чего продолжается в начале третьего тысячелетия, где интерес к «лишним людям» не угас. Это позволяет установить неизменность в развитии русской словесности на протяжении последних двух веков.

Ключевые слова: типология героев, литературные типы, «потерянное поколение», «лишний человек», противодействие личности и общества, ценностный подход, герой-борец.

Актуальной проблемой современного литературоведения остается изучение типов героя, повторяющихся в разные периоды творчества одного писателя, а также в национальной словесности того или иного периода, и в определенной мере за счет меж-и-крос-культурной коммуникации в мировой литературе. Мы, опираясь на опыт коллег-литературоведов, трактуем само понятие «тип персонажа как родовое по отношению к группам литературных героев, получивших устойчивую номинацию в литературном процессе (например, «**лишний человек**», «самодур», «кающийся дворянин»). Соответственно, необходимо введение данного термина в систему литературоведческих понятий» (выделено нами – Е.Н., А.К.) [7. С. 3]. Вполне закономерно, что когда речь заходит «о типе персонажа нас интересуют не эстетическое достоинство созданного литературного образа, а нравственно-психологическая доминанта, объединяющая ряд персонажей» [7. С. 4], созданных разными авторами, в том числе, в разные эпохи и на разных континентах. Одним из таких типов стал «лишний человек», возникший в русской литературе и распространившийся по всему цивилизованному и не очень цивилизованному миру. Этот герой, одинокий, отвергнутый обществом или сам отвергший общество, не был только плодом литературной фантазии. Он стал своеобразным болезненным явлением духовной жизни общества, вызванным кризисом общественной системы. Специально заметим, что, начиная с XIX столетия, образ «лишнего человека» надолго стал предметом исследования не только русских, но и многих европейских писателей.

В русской литературе этот образ представлен очень разнообразно. «Лишними людьми» можно назвать, например, романтических героев А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова. Это страстные, бунтующие натуры, которые мучаются своей двойственностью: они не выносят зависимости, но при этом понимают, что их несвобода – явление духовное, она внутри них. Образ «лишнего человека», возникший в русской литературе, постепенно вышел за рамки художественных произведений, став самостоятельным культурным явлением, что не могло не отразиться и на литературном творчестве писателей других стран (В.Гюго), а также отечественных авторов эпохи постмодернизма. Так, например, данная тема стала активно развиваться в творчестве А.В. Иванова, в частности в его романах «Географ глобус пропил» и «Ненастье» (см.: [5]).

По сей день размышления на тему «лишних людей», на наш взгляд, не потеряли своей актуальности. В современном обществе число таких людей не только не уменьшилось, но, пожалуй, даже увеличилось. На фоне происходящих процессов глобализации и решения проблем в мировом масштабе личность перестает чувствовать собственную значимость. Подобно героям XIX в. мы часто задаемся вопросами о смысле своего существования, о своем месте в жизни и т. п. Считаем, что обращение к классическим произведениям и рассмотрение их с современных позиций (в том числе, в сопоставительном аспекте) поможет раскрыть новые, ранее не замеченные черты данного типажа.

Несмотря на множество исследований, посвященных данной теме, ее нельзя считать до конца изученной. Литературоведы не составили единого мнения о типичных качествах, присущих «лишне-

му человеку», поскольку каждый из писателей наделял своего героя особыми качествами, характерными для его личности, времени или страны проживания.

Для начала обоснуем рассматриваемое понятие. «Лишний человек» – социально-психологический тип, нашедший отражение в русской литературе первой половины XIX в., главными чертами которого являются отчуждение от своей страны, от родной среды (обычно дворянской), чувство интеллектуального и нравственного превосходства над ней и в то же время – душевная усталость, глубокий скептицизм, разлад слова и дела.

Обратив взгляд на классическую русскую литературу, к «лишним людям» можно отнести Чацкого («Горе от ума» А.С. Грибоедова), Онегина («Евгений Онегин» А.С. Пушкина), Печорина («Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова), Бельтова («Кто виноват?» А.И. Герцена), Чулкатурина («Дневник лишнего человека») и Рудина («Рудин» И.С. Тургенева) [см.: 1. С. 572-573].

Термин «лишний человек» вошел во всеобщее употребление после появления «Дневника лишнего человека» И.С. Тургенева (1850). Однако данный образ сложился гораздо раньше. По словам Малгожаты Абасси, представление о «лишнем человеке» сформировалось на границе «эпохи действия» и «эпохи мысли» (после провала восстания декабристов), и стало феноменом периода сильного деспотизма, то есть правления Николая I [см.: 11. С. 128]. Быть «лишним» на практике означало не столько быть выше всех в нравственном и духовном плане, к чему невольно стремились декабристы-мятежники, подспудно принесшие в Россию из Европы своего рода просвещенное очищение, не только стать так называемым духовным лидером, сколько постоянно оставаться непонятым. Что тем же декабристам, в принципе, удалось. Они остались непонятыми всеми и навсегда. Окружающие, даже самые близкие люди, не понимают и никогда не поймут представителей данного человеческого типа. Более того, они будут видеть в нем смутьяна-бунтовщика или сумасшедшего, и пресекать любые его попытки добиться понимания. Само существование «лишнего человека» конфликтно, потому что обычные люди ощущают свою неполноценность рядом с ним. Однако они не склонны видеть в этом стимул к самосовершенствованию, поскольку воспринимают идеи через форму их подачи, а «лишнего человека» – со стороны его психического и телесного облика. Поэтому и стараются вытолкнуть своего антагониста, насколько возможно, за пределы социума, в бездну одиночества, в крайнем случае, сослать подальше с глаз, в Сибирь.

Недаром в уже упомянутых произведениях отечественной литературы «лишние» были отвергнуты и наказаны. Причем с обывательской средой, изображенной как скопище пороков, по-своему солидаризировались и авторы классических текстов: Чацкий был изгнан из Москвы, Онегин покинул Санкт-Петербург «в минуту, злую для него», Печорин умер, возвращаясь из Персии, Базаров расстался с жизнью, заразившись при вскрытии трупа, Рудин погиб на баррикадах.

Когда эпоха действий, в которой развивалось движение декабристов, была закончена восстанием 14 декабря 1825 г., российская интеллигенция стала несчастной, потерянной. Её представители считали себя ненужными, не знали, куда и зачем идти. Именно тогда зародился тип «лишнего человека». Он возник под воздействием исторических событий, ухода от прежних традиций, поиска ответов на вопросы, связанные с отсталостью России и необходимостью общественно-политических перемен. Новый для той эпохи «лишний человек» помнил декабристов и скучал по их героике, однако сам не имел четко определённых целей. Он чувствовал себя бесполезным и бессильным, что привело к переориентации внимания внутрь самого себя. В результате этот тип героя много думает, рассуждает и вступает в конфликт не действием, а мыслью, а его бунт выражается в том, что вместо государственной службы, он выбирает демонстративное безделье [см.: 11. С. 132-134].

На рубеже 50–60-х гг. XIX в. революционные демократы Н.Г. Чернышевский [11. С. 313] и Н.А. Добролюбов выступали с резкой критикой «лишних людей», обвиняя их в нерешительности и пассивности. Вместе с тем, они сводили содержание проблемы «лишнего человека» исключительно к теме либерализма, что не может считаться правомерным. В дальнейшем с переоценкой данного понятия выступил и Ф.М. Достоевский, осудив индивидуализм «лишнего человека» и оторванность от родной почвы.

Литературный образ «лишнего человека», возникнув как переосмысление романтического героя (например, в творчестве Пушкина), складывался под знаком реалистической портретизации, выявления разности между персонажем и автором. Существенным в раскрытии данной темы был отказ от просветительских установок ради беспристрастного анализа «истории души человеческой» (по выражению Лермонтова), что создавало почву для глубокого психологизма при последующих завоеваниях реализма.

В общем, более широком контексте, рассматриваемый нами тип возник как переосмысление романтического героя в реалистическом произведении, где автор уже не восторгается гордым одиночкой, вступающим в бой с силами природы или с обществом, а исследует причины его скептицизма и отчужденности от общества, а также сильные и слабые стороны его характера, противоречия между его поведением и внутренним миром. Существенным в теме «лишнего человека» был отказ от просветительских, морализаторских установок во имя максимально полного и беспристрастного анализа, отражения душевных движений героя, с чем связано утверждение ценности отдельного человека, и интерес к истории человеческой души [см.: 3. С. 485]. Одаренность, желание думать самостоятельно и стремление к прогрессу, и в то же время глубокое одиночество, разочарование, являются чертами, которые затем будут присутствовать в образе «лишнего человека» [см.: 12. С. 432-437].

Ни один герой из галереи «лишних людей» не счастлив в любви. Это о многом говорит. Если человек как существо эмоциональное и имеющее душу умеет любить, то есть большая вероятность, что он будет счастлив. Однако лишние люди боятся любить, не могут примириться с окружающей действительностью. Все это делает их несчастными. Пропадают зря огромные душевные силы и интеллектуальный потенциал героев.

Алгоритм «лишнего человека» сосредоточен не в рамках «быть в обществе – не быть в обществе», а в сугубо во внутренних рамках. Мотив «лишнего человека» – требовательно ждать от жизни чего-то неоправданного, чрезмерного, но часто неясного самому себе, а не получив «игрушку», – отказать от жизни вовсе. Мотив смерти – пик в развитии темы «лишнего человека», его катарсис, хотя поначалу герою было достаточно просто картинно удалиться, исчезнуть неизвестно куда, разорвать все отношения и т. д.

Так кто же такой «лишний человек», отчетливо представленный в литературных произведениях? Это хорошо образованный, умный, талантливый и чрезвычайно одаренный герой (мужчина), который в силу различных причин (как внешних, так и внутренних) не смог реализовать себя, свои возможности. Он ищет смысла, цели жизни, но не находит, поэтому растрчивает себя на обыденные мелочи, на развлечения, на страсти, но не чувствует удовлетворения от всего этого. Часто жизнь «лишнего человека» заканчивается трагически: он погибает или умирает во цвете лет.

Следует определить атрибутивные признаки «лишнего человека». Чаще всего это почти юное создание. Это герой, безусловно, бессемейный (неблагополучными, в том числе, являются и его отношения с родителями) и несчастный в любви. Его положение в обществе маргинально (неустойчиво, содержит смещения и противоречия): он всегда хоть какой-то стороной связан с дворянством, но уже находящимся в стадии упадка. О славе и богатстве у него скорее осталась только память. При этом он помещен в среду, так или иначе ему чуждую: более высокое или низкое окружение, откуда проистекает мотив отчуждения, не всегда очевидный.

Герой в меру образован, но его образование или незавершенное, или несистематическое, либо не востребованное и порядком забытое, словом, это не глубокий мыслитель, не ученый, но человек со «способностью суждения», способностью делать скорые, но незрелые заключения. Очень важен в раскрытии этого образа кризис религиозности, но сохранение при этом памяти о религиозных понятиях. Писатели часто изображали не только борьбу с церковностью, но и скрытую неуверенность, привычку к имени Божьему. «Лишний человек» всегда стремится быть судьей и даже вождем своих ближних, однако при этом в его действиях можно усмотреть оттенок ненависти. Часто он обладает даром красноречия, эпистолярными умениями, ведет записки или даже пишет стихи. Данный герой обладает развитым внутренним миром, лихорадочным и населенным химерами, который при общем хаосе становится его «убежищем», где он скрывается от конфликтов в отношениях с ближними.

Обобщая атрибутивные свойства анализируемого литературного типажа, выделим следующие типологические черты:

- герой является представителем дворянского сословия («Родился я лет тридцать тому назад от довольно богатых помещиков» [6. С. 161]);
- герой получил хорошее образование, чувствует свое превосходство над остальными, но не может применить полученные знания на практике (расхождение слова и дела) («Он говорил мастерски, увлекательно, не совсем ясно... но самая эта неясность придавала особенную прелесть его речам» [8. С. 36]);
- герой предъявляет к жизни завышенные требования, а при их невыполнении способен отказаться от жизни («Уничтожаясь, я перестаю быть лишним» [6. С. 207]);

• герой ощущает свою отчужденность, он пытается найти свое место в жизни, но так и не находит («...я вдруг великодушно приносил всего себя в жертву <...> но жестокосердые любовники не только не благодарили меня за мою жертву, даже не замечали ее» [6. С. 184]);

• герой во многом автобиографичен, писатель изображает типичных представителей собственного поколения («Отец мой был страстный игрок <...> Отец не имел в собственном доме никакой власти и никакого значения как человек, явно преданный постыдному и разорительному пороку» [6. С. 161-162], что совпадает с судьбой автора, Тургенева);

• герой несчастлив в любви, любовь становится для него испытанием, которое он не выдерживает («Любовь – болезнь; а для болезни закон не писан» [6. С. 178]);

• героя ожидает трагическая гибель («Пуля прошла ему сквозь самое сердце» [8. С. 127], «Я точно умру сегодня» [6. С. 207]).

Рассмотрим выявленные признаки детальнее. Над повестью «Дневник лишнего человека» Тургенев работал около двух лет. Завершена она была в январе 1850 г. и вскоре появилась на страницах апрельского номера «Отечественных записок», хотя подверглась жестокой цензуре как неприемлемая с точки зрения норм официальной морали и нравственности. Сатирическая направленность нового произведения Тургенева также противоречила охранительным принципам российской цензуры того времени. Однако в 1856 г. в сборнике «Для легкого чтения» и первом томе «Повестей и рассказов» писателю удалось восстановить все цензурные купюры. Сам автор считал свою книгу удавшимся произведением: «Я почему-то воображаю, что “Дневник” хорошая вещь...» [1. С. 319], – писал он Краевскому тогда же. А спустя восемнадцать лет сформулировал: «В этом произведении схвачен кусок подлинной жизни» [11. С. 89].

Хотя эта повесть имеет столь значимое для нашей темы наименование, тем не менее, стоит отметить, что в ней Тургенев еще не дал социально-исторического объяснения типу «лишнего человека», не раскрыл его общественные и идеологические связи и отношения. Тем не менее, обратимся к рассмотрению образа главного героя данного произведения более подробно. Обычно Чулкатурин рассматривается в качестве «типичного представителя» «лишних людей». Так, например, Н.А. Добролюбов, в статье «Что такое обломовщина?» поставил его в ряд таких персонажей, как Онегин, Печорин, Бельтов, Рудин. Традиция рассмотрения данных образов в одном ряду существует и по сей день. Конечно, некоторое сходство Чулкатурина с этими героями очевидно, но также обнаруживается и его особое положение, и специфическая структура характера, оказавшие значительное влияние на последующее развитие не только литературы, но и культуры.

Как было отмечено ранее, ощущение себя в качестве «лишнего» было связано с «чувством превосходства, быть может мнимого» (фраза из французского эпиграфа к «Евгению Онегину» Пушкина). Однако у Чулкатурина такого чувства нет. Напротив, его постоянно терзает мысль, что во всем и всегда он уступает другим. Чулкатурин хочет не столько возвыситься над другими, сколько сравняться с ними, не столько подавить или оттеснить кого-либо, сколько не быть подавленным и оттесненным самому. Его заветное желание – «быть как все» [6. С. 168]. Но именно этой цели он не может достичь. Поэтому окружающие обращаются с ним (так, по крайней мере, ему кажется) по-особенному – не как с человеком, который имеет какие-либо достоинства или недостатки, но как с лишним (поздоровавшись, они «тотчас отходили в сторону и даже некоторое время оставались потом неподвижными, словно силились что-то припомнить» [6. С.169]).

Онегину или Печорину, Бельтову или Рудину, судьба предлагала различные социальные роли («места»), от которых они по разным обстоятельствам отказывались. С Чулкатуриным же постоянно происходило так, что место, на которое он хотел претендовать, либо уже было занято (роль возлюбленного, а затем великодушного друга-утешителя), либо внутренне профанировалось (роль мстителя за оскорбление во время дуэльного поединка или даже жертвы). Четко осознавая конечность своего существования, Чулкатурин начинает вести дневник, Подводя в нем итоги своей жизни, герой пытается постичь ее смысл, понять себя («Что я за человек?» [6. С. 166]). В итоге он приходит к выводу, что всю жизнь во всем был лишним («Я должен сознаться в одном: я был совершенно лишним человеком на сем свете» [6. С. 166]). Таким образом, Чулкатурин – не исторгнутый, не отверженный, не выпавший из человеческой общности, а как бы изначально в нее не допущенный. На других он смотрит не сверху вниз (хотя свойственные ему наблюдательность и язвительность порою оставляют впечатление превосходства), а снизу вверх или даже со стороны.

При этом Чулкатурин – человек контрастов: лицо без имени, но с ироничной фамилией. Он мо-

лод, но смертельно болен. Закат его жизни происходит на фоне рассвета окружающего мира, ведь он начинает свою исповедь весной, 20 марта, когда возобновляется жизнь в природе. Таким образом, в дневниковых записях героя виден глубокий подтекст, демонстрирующий, как все в жизни героя изначально противоречило его сущности и душевным устремлениям. Однако судьба его вполне обычная: «Родительский дом, университет, служение в низких чинах» [6. С. 166]. Поэтому его «лишность» **заключается не в общественном положении, а во внутреннем убеждении**. Стержень этого убеждения – мысль о смерти, беспросветной, нехристианской, уничтожающей смерти: «Смерть мне тогда заглянула в лицо и заметила меня» [6. С. 165], – скажет герой о кончине своего отца, и этот мотив будет определяющим для него самого, когда каждый шаг, особенно неудачный, он станет возводить к мысли о смерти. Собственно, как мы уже отметили ранее, и ведет он свой дневник накануне смерти, находясь полностью во власти неизлечимой болезни. Это позволяет отнести повесть Тургенева к ранним образцам танатологического нарратива в русской классической литературе.

Пытаясь осознать собственную жизнь, Чулкатурин вспоминает свою единственную любовную привязанность, которая оказывается трагичной. Длительное время он надеется на взаимность, но часто обманывается, объясняя поступки любимой так, как желательно ему. Однажды герой понимает, что вызывает в Лизе лишь антипатию: «Ах <...> если б вы знали, как этот Чулкатурин мне противен» [6. С. 203], – признается она своему другу в минуту откровенности. При этом сам герой считает любовь болезнью («Разве человеку свойственно любить?» [7. С. 178]). Его любовь лишена всякого ясно-го стремления, кроме ощущения, что «сердце у меня неприятно сжималось» [6. С. 178].

Образ Лизы остается непонятным Чулкатурину и описан им не очень привлекательно. Отчетлива для него только ревность к «не-лишнему» человеку, князю, которого он без основания вызывает на дуэль. А во время поединка герой показывает свою трусость, из-за чего жалеет впоследствии, что не был убит. Это был бы более завидный удел, по его мнению, ведь ради яркого и таинственного ухода «лишний человек» готов пожертвовать своей жизнью. Но Чулкатурину остаются лишь бесконечные воспоминания, в которых он выносит приговор себе («лишний»), болезнь и неизбежная бесцветная смерть.

Чулкатурин, несомненно, наделен интеллектом, но одновременно несмелым и неразвитым характером; самолюбием, но капризным и робким сердцем; верой, но достаточно смутной, ритуально-церковной. Он понимает свою маргинальность, потому не рад жизни, хочет чего-то большего, во всем винит сначала жизнь, а потом свое неумение жить. Ключевым моментом произведения становится то, что Чулкатурин не желает принять данную ему судьбу и буквально выталкивает себя из жизни, утверждая, что только «уничтожаясь, я перестаю быть лишним» [6. С. 207].

Чулкатурину в повести противостоит еще более неумелый и нерасторопный Бизьменков. Но этот герой способен в своей судьбе найти смысл и быть самим собою. Тургенев показывает, что принять жизнь – много значит для человека, это мудрость не столько личная, сколько бытийная, спасающая и поддерживающая многих заурядных, «маленьких» людей. Таким образом, для последующего развития характера «лишнего человека» не только в творчестве Тургенева, но и в произведениях других авторов будет определяющим нежелание принять свою судьбу и одновременно неспособность (а не невозможность!) ее преодолеть. Причем требования идеала у данного типажа будут неотчетливыми, но категоричными. Этот парадокс – лишь видимое противоречие: не понимаю себя, не понимаю жизнь, но хочу, чтоб жизнь была вот такой.

После всего сказанного легко принять своеобразие финала «Дневника лишнего человека». С одной стороны, герой вызывает примирительную, разряжающую реакцию: «Я умираю... Живите, живые!» [7. С. 207], – словно в последней записи светлое, возвышенное чувство, обращенное к природе и к людям, окончательно торжествует над его скептицизмом, иронией и рефлексией. Но это верно только в пределах образа и не является эмоциональным итогом всей повести, ее настроением. Да и для полного примирения Чулкатурин с жизнью не хватает малости («Если б какой-нибудь милый, грустный, дружеский голос пропел надо мною прощальную песнь...» [7. С. 206]). Ответом на это желание и явилась безграмотная приписка Петра Зудотешина, что он «Содържаніе оной нь одобрилъ» [7. С. 207]. Эффект приписки усилен тем, что она сделана лицом сторонним, как бы от имени читателей и притом в пределах текста произведения. Поэтому и реакция настоящего читателя вынуждена складываться вопреки не только событийному ряду, но и оценке читателя фиктивного, а реакция эта отнюдь не в примирении.

Стоит также отметить еще одну деталь, которая часто ускользает от исследователей. Считается, что выбор Чулкатуриним заключительной цитаты из Пушкина («И пусть у гробового входа / Младая

будет жизнь играть») связан лишь с примирительным настроением персонажа; однако и окончание данного четверостишия («И равнодушная природа / Красною вечною сиять!») имеет определенную функцию. Дело в том, что в повести Тургенева оппозиция герой / природа раскрывается в нескольких вариациях. Так, уже в одной из первых записей Чулкатурин обращается к природе («О природа! Природа! Я так тебя люблю, а из твоих недр вышел неспособным даже к жизни» [7. С. 163]). Затем он говорит о том, что природа обошлась с ним, как с «незванным гостем». Словом, в отношениях с окружающим миром Чулкатурин начинает выступать как отвергнутый любовник, в этой сфере словно продублированы перипетии его романа с Лизой. Отсюда и вывод, сделанный героем, кажется вполне логичным: «Уничтожаясь, я перестаю быть лишним» [7. С. 207]. Как будто в пределах земного бытия поправить ему ничего нельзя.

Вопрос так и стоит по-шекспировски: быть или не быть? Если он есть – он лишний; если хочет перестать быть лишним – должен перейти в небытие, раствориться в природе, перестать существовать. Обычно небытие связывают с отсутствием роли (любой), здесь же оно превращается в позитивный фактор. Небытие выполняет самое сокровенное желание персонажа – не быть лишним.

«Дневник лишнего человека» занимает видное место в ряду произведений Тургенева. Его герой рассказывает о своей неудачной жизни, причиной чего является не только он сам, но и внешние обстоятельства. Чулкатурин восхищается природой, одновременно говоря, что она не приготовила его к жизни. Он постоянно во всем обвиняет себя и тем самым мучает себя, но это приносит ему удовольствие [см.: 13. С. 153-154]. Таким образом, данное произведение явилось рубежом на пути к психологической повести второй половины 1850-х гг., романам «Рудин», «Дворянское гнездо» и «Накануне», в которых И.С. Тургенев покажет, как богатство внутреннего мира «лишнего человека» торжествует над аристократическим лоском, светскостью и поверхностной образованностью.

Роман «Рудин» И.С. Тургенев поначалу назвал «Гениальная натура». Под «гениальностью» он имел в виду умение героя произведения убеждать и просвещать людей, а также его разносторонний ум и образованность. «Натура» означала твердость воли Рудина, обостренное чутье к проблемам общественной жизни. Но по ходу работы первоначальное название произведения перестало нравиться Тургеневу, ибо оно не соответствовало характеру Рудина. «Натуры» в нем было мало, не хватало воли к делу. Поэтому в 1856 г. автор переименовал роман [см.: 14. С. 139-140]. На черновом автографе значилось: «Рудин. Начат 5 июня 1855 г., в воскресенье, в Спасском, кончен 24 июля 1855 г. в воскресенье, там же, в 7 недель» [9. С. 463]. Роман был опубликован в январской и февральской книгах «Современника» за 1856 г. В издании 1860 г. Тургенев добавит второй эпилог, изображающий трагическую гибель героя в Париже, на революционной баррикаде. Немалую роль в творческой истории «Рудина» сыграла русская и зарубежная литературная традиция – в частности, он использован опыт Жорж Санд, Панаева и Станкевича.

Роман «Рудин» был написан в самый разгар Крымской кампании, исход которой мог повлиять на судьбу крепостнического строя в России. Наступала пора бурного общественного подъема, закончилось «мрачное семилетие» николаевской реакции.

Основная тема романа – дворянское просветительство – была для 1855 г. как нельзя более актуальной. Накануне прихода в русскую жизнь демократов-разночинцев естественным было оценить историческую роль либеральных дворян 1830–40-х гг., со многими из которых Тургенев был близок уже в юношеские годы (Т.Н. Грановский, Н.В. Станкевич и др.). Тургенева глубоко волновала судьба этих людей, воспитывающих молодежь силой своего вдохновенного слова, но не сумевших в крепостнической России воплотить свои идеи. В романе «Рудин» автора заботила не только история «лишнего человека», но и вопрос о его роли в современности.

Во время работы над романом автор неоднократно подвергал сомнению свой замысел, а в письмах к друзьям прямо говорил о неуверенности в своих силах. Но в ответ друзья, в особенности Н.А. Некрасов и С.П. Боткин, поддерживали его начинание.

Когда в конце июля 1855 г. была завершена первая редакция романа, то Тургенев сразу приступил к ее доработке, уделяя особое внимание образу главного героя, прототипом которого стал известный мыслитель и революционер Михаил Бакунин. Писатель подчеркнул прогрессивные стороны его просветительской деятельности.

Роман «Рудин» был подготовлен всеми предшествующими тургеневскими произведениями о «лишних людях» (поэма «Разговор», статья «Фауст», рассказ «Гамлет Щигровского уезда», повести «Переписка» и «Яков Пасынков» и др.), но образ главного героя здесь значимее предшествующих об-

разов. В отличие от более ранних повестей Тургенев изображает в характере Рудина и слабые, и сильные стороны «лишних людей», осмысляет подлинные причины их социальной драмы, которая находит теперь подлинно диалектическое разрешение. Рассказывая о Рудине от лица всезнающего и чуждого каких-либо пристрастий человека, Тургенев как автор впервые объективно изобразил «лишнего человека».

Безусловно, тема лишнего человека, привлекающая внимание Тургенева еще в 1840-е гг., позднее, в 1850-е, претерпевает определенную эволюцию: если в повестях он противопоставляет идеалиста и зараженного рефлексией романтика трудовому русскому человеку, то в романе пытается выяснить его историческую роль как представителя передовой русской интеллигенции 1830–40-х гг. Ведь, мировоззрение Рудина сложилось под влиянием философских кружков 1830-х гг. Именно поэтому герой видит смысл своей жизни в служении высоким идеалам.

В романе Тургенева описывается кружок Николая Владимировича Станкевича, в котором автор и сам когда-то участвовал. Подобных кружков, объединивших лучшую часть молодежи этого времени, было много. «Философия, искусства, наука, самая жизнь» служили средством, при помощи которого их участники стремились открыть «общий мировой закон». Воспитавшись на строгой логике споров и дискуссий, молодые люди «чувствовали себя как бы живыми сосудами вечной истины, орудиями ее, призванными к чему-то великому...» [8. С. 62-63].

Вот как описывает это собрание Лежнев, один из героев произведения Тургенева: «Вы представьте, сошлись человек пять-шесть мальчиков, одна сальная свеча горит, чай подается прескверный и сухари к нему старые-престарые; а посмотрели бы вы на все наши лица, послушали бы речи наши! В глазах у каждого восторг, и щеки пылают, и сердце бьется, и говорим мы о Боге, о правде, о будущности человечества, о поэзии...» [8. С. 63-64].

Пребывание в кружке накладывало отпечаток на всю дальнейшую судьбу его участников: «Эх! славное было время тогда, и не хочу я верить, чтобы оно пропало даром! Да оно и не пропало, – не пропало даже для тех, которых жизнь опошшила потом... Сколько раз мне случалось встретить таких людей, прежних товарищей! Кажется, совсем зверем стал человек, а стоит только произнести <...> имя Покорского – и все остатки благородства в нем зашевелился, точно ты в грязной и темной комнате раскупорил забытую склянку с духами...» [8. С. 64].

Но увлечение немецкой философией имело свою оборотную сторону. Между идеальным миром философских построений и раздираемой проблемами страной было мало общего. Однако такие идеалисты, как Рудин, не хотели замечать этого. Речь Лежнева раскрывает роковую ущербность рудинского мировоззрения: «Несчастье Рудина состоит в том, что он России не знает, и это точно большое несчастье». За страстными словами героя мы чувствуем голос самого Тургенева: «Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без нее не может обойтись» [8. С. 110].

К тому же автор показывает общую закономерность: у людей, погруженных в умственные интересы, привыкших «каждое движение жизни, своей и чужой, напилить словом, как бабочку булавкой», непосредственные сердечные движения отмирают. Отсюда ироническое замечание о том, что у Рудина, подобно китайскому болванчику, «перевешивала голова». Лежнев неспроста называет Рудина «политической натурой». Это прирожденный вождь, оратор, который «всячески старался покорить себе людей». Достаточно ясно об этом говорит такая характеристика: «Рудин владел едва ли не высшей тайной – музыкой красноречия. Он умел, ударяя по одним струнам сердец, заставлять смутно звенеть и дрожать все другие» [8. С. 36].

В своих философских речах о смысле жизни, о высоком назначении человека герой Тургенева просто неотразим. С его слов, человек не может, не должен подчинять свою жизнь только практическим целям, заботам о существовании. Без стремления отыскать «общие начала в частных явлениях» жизни, без веры в силу разума нет ни науки, ни просвещения, ни прогресса, а «если у человека нет крепкого начала, в которое он верит, нет почвы, на которой он стоит твердо, как может он дать себе отчет в потребностях, в значении, в будущности своего народа?» [8. С. 31].

Просвещение, наука, смысл жизни – вот о чем говорит Рудин так увлеченно, вдохновенно и поэтично. Что как не поэзия проявляется в рассказанной им легенде о птице, залетевшей на огонь и опять скрывшейся в темноту. Казалось бы, человек, подобно этой птице, появляется из небытия и, прожив короткую жизнь, исчезает в безвестности. Да, «наша жизнь быстра и ничтожна; но все великое совершается через людей» [8. С. 37].

Обильно рассыпанные по страницам романа высказывания Рудина (а в его лице и Тургенева) вдохновляют и зовут к обновлению жизни, к необыкновенным, героическим свершениям. Силу воздействия Рудина на слушателей, убеждение словом, ощущают все. И каждый восхищается им за его «необыкновенный ум». Не признает достоинств Рудина лишь Пигасов – от обиды за свое поражение в споре. Но в первом же разговоре Рудина с Натальей раскрывается одно из главных противоречий его характера. Ведь только накануне он так вдохновенно говорил о будущем, о смысле жизни, о назначении человека, и вдруг предстает усталым человеком, не верящим ни в свои силы, ни в сочувствие людей. Правда, достаточно одного возражения удивленной Натальи – и Рудин корит себя за малодушие, чтобы тут же вновь проповедовать необходимость делать дело. Но автор уже заронил в душу читателя сомнение в том, что слова Рудина согласуются с делом, а намерения – с поступками. Таким образом, автор постоянно проверяет Рудина «на прочность», на жизнеспособность. Герой этих проверок не выдерживает. Выясняется, что Рудин способен только говорить, реализовать на деле свои мысли и идеалы он не может. Он не знает реальной жизни, не может оценить обстоятельства и свои силы, поэтому в итоге оказывается «не у дел».

Противоречивый характер своего героя писатель подвергает и другому серьезному испытанию – любви. Это чувство у Тургенева является то светлым, то трагичным и разрушительным, но всегда любовь изображается как сила, обнажающая душу, истинную натуру человека. Вот тут-то и обнаруживается настоящий характер Рудина. Хотя речи Рудина полны энтузиазма, годы отвлеченной философской работы иссушили в нем живые источники сердца и души. Перевес головы над сердцем ощущим уже в сцене первого любовного признания.

Первое, возникшее на его пути, препятствие – отказ Дарьи Михайловны Ласунской выдать дочь за небогатого человека – приводит Рудина в полное замешательство. В ответ на вопрос: «Как вы думаете, что нам надобно теперь делать?» – Наталья слышит: «Разумеется, покориться» [8. С. 86]. И много горьких слов бросает тогда Наталья Рудину: она упрекает его в малодушии, трусости, в том, что его высокие слова далеки от дела. И Рудин чувствует себя жалким и ничтожным перед нею. Он не выдерживает испытания любовью, обнаруживая свою человеческую неполноценность.

В романе главному герою открыто, прямолинейно противопоставлен Лежнев. Рудин красноречив – Лежнев обычно немногословен. Рудин не может разобраться в самом себе – Лежнев превосходно понимает людей и без лишних слов помогает близким, благодаря душевному такту и чуткости. Рудин ничего не делает – Лежнев всегда чем-то занят. Но Лежнев не только антагонист Рудина, он истолкователь героя. Оценки Лежнева не одинаковы в разные моменты, даже противоречивы, но в целом они внушают читателю понимание сложного характера героя и его места в жизни.

Личный деспотизм Рудина раскрывается в истории влюбленности Лежнева в юную девушку. Рудин, польщенный доверием товарища, принялся руководить этими отношениями, диктовал, «как мы должны вести себя, деспотически заставлял отдавать отчет в наших чувствах и мыслях, хвалил нас, порицал...» [8. С. 66]. При этом он вновь, как и ранее, упивался собственным красноречием, не замечая, что оно порой переходит в демагогию: «Белое казалось черным, черное – белым, ложь – истиной, фантазия – долгом...» [8. С. 67].

В окончательном тексте на заявление восторженного Басистова: «Рудин – гениальная натура!» – Лежнев категорически возражает: «Гениальность в нем, пожалуй, есть, <...> а натура... В том-то вся его беда, что натуры-то, собственно, в нем нет...» [8. С. 109]. Эта внутренняя слабость, «бесхребетность» сыграла роковую роль и в личной, и в общественной судьбе героя.

Однако, по мнению Лежнева, в итоге Рудин доказал свое право считаться «рыцарем печального образа»: «А почему ты знаешь, может быть, тебе и следует так вечно странствовать, может быть, ты исполняешь этим высшее, для тебя самого неизвестное назначение...». И далее: «Не червь в тебе живет, не дух праздного беспокойства: огонь любви к истине в тебе горит...» [8. С. 125].

Последняя встреча наглядно демонстрирует различие жизненных «назначений» двух друзей. Лежнев, отлучившись из дому ненадолго, тут же «сел писать письмо жене». Измученному борьбой товарищу он предлагает в качестве незаменимой опоры домашние стены: «Это мой дом. Слышишь, старина?» [8. С. 126]. Напротив, для Рудина возвращение под уютный кров равно умственному самоубийству: «Угол есть, где умереть...» [8. С. 126]. Отсутствие великой цели автоматически означает ненужность жизни: «Не до строгости теперь, когда уже все кончено, и масла в лампаде нет, и сама лампада разбита, и вот-вот сейчас докурится фитиль. Смерть, брат, должна примирить наконец...» [8. С. 124]. Каждый из друзей догадывается, что встреча была последней. Вечный скиталец Рудин провидит свой конец: «Еду! Прощай... А кончу я скверно» [8. С. 126].

Самую точную оценку Рудину дает, таким образом, его антагонист, человек практического склада. Может быть, он-то и есть истинный герой романа? Лежнев награжден и умом, и пониманием людей, но деятельность его ограничена существующим порядком вещей. Автор постоянно подчеркивает его будничность. Он деловит, но для Тургенева невозможно свести весь смысл жизни к деловитости, не одухотворенной высшей идеей.

Финал романа героичен и трагичен одновременно. Рудин гибнет на баррикадах Парижа. Вспомнятся слова из его письма к Наталье: «Я кончу тем, что пожертвую собой за какой-нибудь вздор, в который даже верить не буду...» [8. С. 99]. Второй эпилог имеет точную датировку: «В знойный полдень 26 июня 1848 года, в Париже...» [8. С. 127]. В эти дни, случайно оказавшись в столице Франции, сам Тургенев стал свидетелем того, как было потоплено в крови восстание рабочих. Строки романа не только художественно проникновенны, но и исторически точны: против слабо вооруженных рабочих (Рудин получает «кривую и тупую саблю»), против самодельных баррикад правительство бросило пушки. Понятно, что «защитники... («оставшиеся в живых») – многозначительно поясняет автор) только думали о собственном спасении». Лишь один остается верен до конца роли героя; готов погибнуть на баррикаде, но не бежать, не сдать: «На самой ее вершине... появился высокий человек в старом сюртуке, подпоясанном красным шарфом и в соломенной шляпе на седых <...> волосах. В одной руке он держал красное знамя, в другой – <...> саблю...» [8. С. 127]. Дважды красный цвет мелькнет в этой картине и предсказывает финал: «пуля прошла ему (Рудину) сквозь самое сердце» [8. С. 127]. Герой подтвердил и оправдал свою фамилию, которая означает буквально «рудый» – красный, цвета крови.

Пусть его гибель выглядит не столь поэтически – «выронил знамя – и, как мешок, повалился лицом вниз, точно в ноги кому-то поклонился» [8. С. 127], – это смерть героя. Ведь, «нелегко установить границу, отделяющую безрассудную храбрость от безрассудства, ведь героизму всегда присуще безумие» (С. Цвейг). Но у Рудина, автор подчеркивает, отсутствует то, что несовместимо с истинным подвигом – жажда славы. Даже его товарищи не знают, кто он такой. Не ведают не только имени, но и национальности. Один из свидетелей гибели Рудина, из числа его друзей по баррикадам, выругался с горечью: «Поляка убили». Финальная фраза романа лишь подтверждает то, о чем читатель уже догадался: «Этот Polonais был – Дмитрий Рудин» [8. С. 127].

Главный герой романа во многом автобиографичен: это человек тургеневского поколения. В русской жизни ему суждено остаться странником. Подобные люди характеризовались общественной пассивностью и неверием в свои силы, несмотря на полученное образование и умение рассуждать. У этих персонажей всегда есть идеал или мечта, которые приводят к конфликту с миром реальным. Такие люди очень редко заводят друзей и семью, так как сосредоточены на себе. Они часто скитаются по стране, не могут обрести себя и смысл жизни и умирают в раннем возрасте. Философ и критик Иван Сергеевич Аксаков писал Тургеневу: «Такое лицо, как Рудин, замечательно и глубоко... Нужна была зрелость созерцания для того, чтобы видеть пошлость рядом с необыкновенностью, дрянность рядом с достоинством, как в Рудине. Вывести Рудина было очень трудно, и вы эту трудность победили...» [9. С. 540].

Таким образом, мы предприняли попытку проанализировать не только историю возникновения и содержание понятия «лишний человек» в русской литературе, но и показать эволюцию этого образа на примере творчества И.С. Тургенева. Несмотря на национально-специфические особенности реализации образа «лишнего человека» в произведениях Тургенева разных лет, все-таки можно выделить типологические черты, позволяющие объединить этих героев в одну группу:

- герой очень молод, полон сил, но все его начинания наталкиваются на непонимание со стороны окружающих;
- герой получил хорошее образование, чувствует свое превосходство над остальными, но не может применить полученные знания на практике (расхождение слова и дела);
- герой ощущает свою отчужденность, он пытается найти свое место в жизни, но так и не находит;
- герой во многом автобиографичен, писатель изображает типичных представителей собственного поколения;
- герой несчастлив в любви, любовь становится для него испытанием, которое он не выдерживает;
- герой обычно религиозно индифферентен, либо явный атеист (как Е. Базаров), либо проявляет агностицизм (как другие герои Тургенева), это показывает, что только христианская религия может снять клеймо «лишности» и открыть путь к самореализации в духовной сфере;

- героя ожидает трагическая (а порою нелепая) гибель.

Тема «лишнего человека» привлекала не только русских писателей, но и писателей других стран. Образ «лишнего человека», сложившийся в западноевропейской литературе, во многом близок русскому – это герой, вызванный к жизни «длительным похмельем». После европейских буржуазных революций, вплоть до сегодняшнего дня думающие наблюдательные люди имели много поводов разочаровываться в возможности социального прогресса. Примером тому служат произведения Б. Констана «Адольф» и А. де Мюссе «Исповедь сына века». Проблема лишнего человека воплощена также в романах современного турецкого писателя-диссидента, нобелевского лауреата Орхана Памука «Снег» (2002) и в философской книге английского писателя Дж. Фаулза «Аристос» (1964). Она привлекла внимание и нашего соотечественника А.В. Иванова («Географ глобус пропил» (1995) и «Ненастье» (2015)).

Главный герой «Ненастья», шофер Герман Неволин, по прозвищу Немец, бывший афганец. Фамилия у него, как это часто бывает у Иванова, «говорящая». Герман – невольник своего советского происхождения, воспитания и характера. Иванов в аннотации пишет, что роман о том, почему один человек может доверять другому. Алексей Иванов создает портрет нашего современника – человека, воспитанного при социализме, получившего добротное образование, а во время глобального слома общества оставшегося один на один со своей совестью и вопросами к миру.

Действие происходит в вымышленном городе Батуеве (в котором слабо угадываются рабочие предместья Екатеринбурга). В 2008 г. работающий шофером инкассаторской машины Герман Неволин обманом захватывает выручку ТЦ «Шпальный рынок» примерно в 100 млн рублей и скрывается с места преступления. Отдельные отступления в тексте, оформленные как воспоминания героя, можно развернуть в самостоятельные повести, но они важны для понимания сути персонажа. Очень хорошо дан контекст 80-х, 90-х и 2000-х гг., описаны судьбы поколений, иногда просто мазками – но картинка получается объемной.

В 1991 г. Герман получил телеграмму от Сергея Лихолетова, с которым они вместе служили в Афганистане. Герман и там шоферил, а прапорщик Лихолетов был его командиром. Сергей Лихолетов изображается как герой. Но герой, по мнению Германа, это не тот, кто самый смелый, а тот, кто берет на себя ответственность за людей. Иванов характеризует Серегу как смесь поручика Ржевского с Мао Цзэдуном. Лихолетов вел себя «отвязно», пил, ругался, унижал людей, творил, что хотел, но у него была идея. Она заключалась в том, что прошедшие афганскую войну люди должны помогать друг другу, что вместе они – сила. Афганец-милиционер поможет афганцу-бандиту, а вместе они помогут вдове погибшего афганца. Вернувшись на «гражданку» он возмутился тем, что тут рулят штатские. Нужно сражаться за место под солнцем.

У Лихолетова была масса коммерческих идей. Он надумал создать организованный рынок вместо стихийной барахолки. Торговцев, располагавшихся на пустыре рядом с пустующим зданием бывшего товарного терминала, побоями и руганью загнали в здание. Теперь они должны были платить за место.

Другим его проектом был самозахват двух новостроек. Город построил дома для афганцев, но продал банку за долги. Лихолетов не захотел с этим мириться. Афганцы с семьями переехали в эти дома и долго держали там оборону. Ордера они получили только через много лет. Эта операция дорого обошлась Лихолетову: вначале на него натравили бандитов. Потом его кампанию «Коминтерн», базировавшуюся в бывшем доме культуры «Юбилейный» («Юбеле»), штурмовал «СОБР». Серегу посадили, а позже застрелили. А его противник Щебетовский получил все активы «Коминтерна», главным из которых был рынок. Он сделал из него торговый центр. «Коминтерн» же превратился во что-то типа Собеса для ветеранов и сильно нуждался в деньгах. А Герман все это время работал в «Коминтерне» шофером, потом Щебетовский перевел его в ТЦ на инкассаторскую машину. Описание сражений афганцев с другими бандитскими группировками занимает большую часть романа. Несомненно, в «Ненастье» присутствует глубокий подтекст: здесь выявляется стремление человека к пребыванию в сообществе, где он будет чувствовать себя защищенным, где дифференцированы подлость и «правда жизни».

В «Ненастье» писатель возвращает русскую литературу к теме «лишнего человека». Рассмотрим базовые черты, объединяющие ивановских Серегу и Германа с персонажами отечественной классики.

«Лишний человек» ищет смысл, ищет жизни, но не находит. Поэтому он растрчивает себя на жизненные мелочи, на развлечения, на страсти, но не чувствует удовлетворения от этого. Часто жизнь «лишнего человека» заканчивается трагически: он погибает или умирает во цвете лет. Все это описано в «Ненастье»

«Лишний человек» неоднозначен. Его сложно оценить. Так и в романе А. Иванова. Укрывший миллионы Немец оказывается не просто злодеем, желающим денег, а человеком, ищущим выхода из неудавшейся жизни, где всё стало рушиться. Нужно было за что-то держаться, а жизненные опоры падали одна за другой: воинское братство, дружба, любовь, справедливость. Так же, как и герои классики, Герман и Серега, сами не будучи «рыцарями без страха и упрека», стремятся к определённым социально-нравственным идеалам (афганское братство, взаимопомощь). Но их ценности не актуальны для окружения. В результате героев ждёт либо социальная, либо физическая смерть. Они не поняли динамики эпохи, в которой побеждают лица, лишённые какой-либо морали, а не мечтатели о социальной справедливости, порожденные советской «романтикой». Специфика «лишнего человека» – требовательно ждать от жизни чего-то неоправданного, чрезмерного, но часто неясного самому герою, а не получив этого, – отказаться от жизни вовсе.

Быть «лишним» на практике означает постоянно оставаться непонятым. Само существование «лишнего» конфликтно, потому что обычные люди ощущают свою неполноценность рядом с ним. Однако они не склонны видеть в этом стимул к самосовершенствованию, поэтому стараются вытолкнуть своего антагониста, насколько это возможно, за пределы социума, в бездну одиночества. Такова судьба Германа и Сереги. Они становятся «лишними», отвергнутыми и своими, и чужими.

Как и «лишний человек» русской классики, Герман в произведении А. Иванова несчастлив в любви. Ни одухотворенных отношений с женщинами, ни нормальной семьи у него нет.

Таковы, на наш взгляд, черты, интегрирующие лишних людей классического и современного этапов развития русской литературы. Однако есть и отличия.

«Лишние люди» литературных произведений XIX в. высокообразованны. Герои современной литературы не сильно стремятся к свету знания, им чужды экзистенциальные поиски. Сомнителен и их социальный статус. В романе «Ненастье», в отличие от романа «Географ глобус пропил», герои асоциальны. Им свойственно то, о чем писали Добролюбов и Чернышевский, – ощущение социальной неполноценности, некоторая нерешительность и пассивность. И это не черты характера, а результат личностной невостремленности, заданной окружающим миром. Если герои классики – по преимуществу интроверты, то наши современники – экстраверты. Поменялся модус, но не суть личности лишнего человека.

«Лишним людям» классической литературы были свойственны некоторые проявления православной культуры и христианского миропонимания, хотя они и не являлись носителями религиозного сознания, то в XXI веке мы наблюдаем почти полную религиозную индифферентность. Так, Герман нечего предосудительного не видит в принятии ислама и имплицитно сочувствует индийскому язычеству. Сфера духовных ориентиров у него практически размыта. В отличие от героев классики, во многих аспектах жизнедеятельности он руководствуется потребностями плоти, а не духа.

Общими чертами «лишних людей» литературы XIX–XXI вв. являются социальная дезадаптация, верность некоторым (меняющимся со временем аксиологическим моделям), личностная нереализованность, ранняя и бессмысленная смерть. Но вектор трансформаций направлен в сторону культурного и религиозного оскудения данного типа героя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Герцен А.И. Лишние люди и желчевики // Герцен А.И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 14. Статьи из «Колокола» и другие произведения 1859-1860 годов. М., 1958. 701 с.
2. Данилова Е.А. Типологическое изучение персонажей (на материале русской литературы XVIII-XIX веков). Автореферат канд. филол. наук. М., 2016. 21 с.
3. Дроздова М.С. Личность и общество в книге Дж. Фаулза «Аристос» // Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность: сборник статей Международной научно-практической конференции. М., 2016. С. 33-38.
4. Манн Ю.В. Лишний человек // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. 1600 с.
5. Никольский Е.В. Проблема лишнего человека в романе Алексея Иванова «Ненастье» // Материалы XXI Международной конференции Пушкинские чтения-2016. СПб. (Царское село), 2016. С. 128-137.
6. Тургенев И.С. Дневник лишнего человека // Тургенев И.С. Собрание сочинений. В 12 томах. Том 5. Повести и рассказы 1844-1853. М., 1977. 413 с.
7. Тургенев И.С. Письма // Тургенев И.С. Полное собр. соч. и писем в 30 томах. Т. I. Стихотворения, поэмы, статьи и рецензии, прозаические наброски 1834-1849. М.: Наука. 1978. 574 с.
8. Тургенев И.С. Рудин // Тургенев И.С. Собрание сочинений: в 12 томах. Том 2. Рудин. Дворянское гнездо. М., 1976. 333 с.

9. Тургенев И.С. Рудин // Тургенев И.С. Полное собр. соч. и писем в 30 томах. Том V. Повести и рассказы 1853-1857 годов. Рудин. Статьи и воспоминания 1855-1859. М.: Наука. 1980. 544 с.
10. Тургенев И.С. Сочинения в двенадцати томах. Т. VII. Отцы и дети. Повести и рассказы. Дым. 1861-1867. М.: Наука, 1980. 560 с.
11. Чернышевский Н.Г. Русский человек на rendez-vous // Чернышевский Н.Г. Литературная критика в двух томах. Т. 2. Статьи и рецензии 1856-1862 годов. М., 1981. 368 с.
12. Abassy M. Inteligencja a kultura. O problemach samoidentyfikacji dziewiętnastowiecznej inteligencji rosyjskiej, Krakow, 2008. 278 s.
13. Literatura rosyjska. T. 1. Warszawa, 1970. 631 s.
14. Semczuk A. Ivan Turgieniew i ruch literacki w Rosji w latach 1834-1855. Wrocław, 1968. 190 s.
15. Semczuk A. Iwan Turgieniew. Warszawa, 1970. 371 s.

Поступила в редакцию 28.02.2018

Никольский Евгений Владимирович, доктор филологических наук
Институт Русистики Варшавского университета (Республика Польша)
Uniwersytet Warszawski
Wydział Lingwistyki Stosowanej
ul. Szturmowa 4, pok. 413, 02-678 Warszawa, Polska
E-mail: Eugenius-08@yandex.ru

Кравцов Андрей Николаевич, кандидат филологических наук, куратор издательского проекта «ЧтецЪ»
311 / 77 Galada Avenue, Parkville VIC 3052, Melbourne, Australia
E-mail: kravtsov@4tets.ru

E.V. Nicholsky, A.N. Kravtsov

THE APPROACHES AND RUNNING POINTS: "SUPERFLUOUS MAN" IN RUSSIAN CLASSICAL LITERATURE

The type of "superfluous person" is considered on the material of the classical period of Russian literature. To identify the common points of approaches (separation) and running (dissociation) in the understanding of "superfluity" in the literature, the works by I.S. Turgenev ("The Diary of a Superfluous Man", "Rudin") are analyzed, thanks to which a general literary situation that caused a public interest in "superfluity" as a phenomenon is shown. The phenomenon itself was associated with the historical development of Russian society, in particular the Decembrist uprising of 1825. Trying to avoid terminological inaccuracy, the authors examine the attributes of the "superfluous man", and show their immutability, and relevance for Russian literature of the classical period of development. Such tradition still exists at the beginning of the third millennium and the interest in "extra people" is not lost. This research allows us to establish the immutability in the development of Russian literature over the past two centuries.

Keywords: character typology, literary types, "lost generation", "superfluous man", person versus society, axiological approach, struggling hero.

REFERENCES

1. Herzen A. I. Lishnie lyudi i zhelcheviki [Extra people and receive] // Gertsen A.I. Sobranie sochineniy [Herzen A. I. works]: in 30 t. T. 14. Stati iz «Kolokola» i drugie proizvedeniya 1859-1860 godov [Articles from the "Bell" and other works of 1859-1860]. M., 1958. 701 p. (In Russian).
2. Danilov E. A. Tipologicheskoe izuchenie personazhey (na materiale russkoy literatury XVIII-XIX vekov) [Typological study of characters (based on the material of Russian literature of XVIII-XIX centuries)]. Avtoreferat kand. filol. nauk [Abstract of Cand. Philol. sciences']. M., 2016. 21 p. (In Russian).
3. Drozdova M. S. Lichnost i obschestvo v knige Dzh. Faulza «Aristos» [Individual and society in the book of John. Fowles "the Aristos"] // Gumanitarnyye osnovaniya sotsialnogo progressa: Rossiya i sovremennost: sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Humanitarian foundations of social progress: Russia and modernity: collection of articles of International scientific-practical conference]. M., 2016. С. 33-38. (In Russian).
4. Mann Yu. V. Lishniy chelovek [Extra person] // Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy [Literary encyclopedia of terms and concepts]. M., 2001. 1600 p. (In Russian).
5. Nikolsky E. V. Problema lishnego cheloveka v romane Aleksey Ivanova «Nenaste» [The Problem of the superfluous man in the novel of Alexey Ivanov "the Storm"] // Materialy XXI Mezhdunarodnoy konferentsii Pushkinskie chteniya-2016 [Proceedings of the XXI International conference of Pushkin's reading in 2016]. SPb. (Tsarskoye Selo), 2016. С. 128-137. (In Russian).

6. Turgenev I. S. Dnevnik lishnego cheloveka [Diary of a superfluous man] // Turgenev I. S. Sobranie sochineniy. V 12 tomah. Tom 5. Povesti i rasskazyi 1844-1853 [Turgenev I. S. works. In 12 volumes. Volume 5. Novels and short stories 1844-1853]. M., 1977. 413 p. (In Russian).
7. Turgenev I. S. Pisma [Letters] // Turgenev I.S. Polnoe sobr. soch. i pisem v 30 tomah. T. I. Stihotvoreniya, poemyi, stati i retsenzii, prozaicheskie nabroski 1834-1849 [Turgenev, I. S. the Complete Coll. Op. and letters in 30 volumes. T. I. Poems, poems, articles and reviews, prosaic sketches 1834-1849]. Moscow: Nauka. 1978. 574 p. (In Russian).
8. Turgenev I. S. Rudin [Rudin] // Turgenev I.S. Sobranie sochineniy: v 12 tomah. Tom 2. Rudin. Dvoryanskoe gnezdo [Turgenev I. S. collected works: in 12 volumes. Volume 2. Rudin. Noble nest]. M., 1976. 333 p. (In Russian).
9. Turgenev I. S. Rudin [Rudin] / Turgenev I.S. Polnoe sobr. soch. i pisem v 30 tomah. Tom V. Povesti i rasskazyi 1853-1857 godov. Rudin. Stati i vospominaniya 1855-1859. [I. S. Turgenev Complete works, vol. Op. and letters in 30 volumes. Volume V. Stories and stories 1853-1857 years. Rudin. Articles and memoirs 1855-1859]. Moscow: Nauka. 1980. 544 s. (In Russian).
10. Turgenev I. S. Sochineniya v dvenadsati tomah. T. VII. Ottsy i deti. Povesti i rasskazyi. Dyim. 1861-1867. [Works in twelve volumes. Vol. VII. Fathers and sons. Novels and short stories. Smoke. 1861-1867]. Moscow: Science, 1980. 560 p. (In Russian).
11. Chernyshevsky N. G. Russkiy chelovek na rendez-vous [Russian person on a rendezvous] // Chernyishevskiy N.G. Literaturnaya kritika v dvuh tomah. T. 2. Stati i retsenzii 1856-1862 godov. [Chernyshevsky N. G. Literary criticism in two volumes. Vol.2. Articles and reviews 1856-1862 years]. M., 1981. 368 p. (In Russian).
12. Abassy M. Inteligencja a kultura. O problemach samoidentyfikacji dziewiqtnastowiecznej inteligencji rosyjskiej, Krakow, 2008. 278 s. (In Polish).
13. Literatura rosyjska. T. 1. Warszawa, 1970. 631 s. (In Polish).
14. Semczuk A. Ivan Turgieniew i ruch literacki w Rosji w latach 1834-1855. Wroclaw, 1968. 190 s. (In Polish).
15. Semczuk A. Iwan Turgieniew. Warszawa, 1970. 371 s. (In Polish).

Received 28.02.2018

Nicholsky E.V., Doctor of Philology
Uniwersytet Warszawski
Wydział Lingwistyki Stosowanej
ul. Szturmowa 4, pok. 413, 02-678 Warszawa, Polska
E-mail: Eugenius-08@yandex.ru

Kravtsov A.N., Candidate of Philology
311 / 77 Galada Avenue, Parkville VIC 3052, Melbourne, Australia
E-mail: kravtsov@4tets.ru